

Разведка темы

В. Холодов

1.

Передовые представители советского рабочего класса год тому назад обратились с открытым письмом к драматургам. Александра Штырова, Валентина Хрисанова, Виктор Блаженев, Павел Быков и Николай Росийский, депутаты Верховного Совета СССР, считают, что «жизнь и труд советских рабочих, новаторов промышленности и транспорта, активных строителей коммунизма, до сих пор еще недостаточно освещаются в нашей литературе и, в частности, в драматургии».

Упрек справедливый и очень серьезный. На наших сценических подмостках рабочий человек должен занять такое же место, какое он занимает в нашей жизни, — главное. Пока же в списках действующих лиц большинства пьес рабочий либо занимает весьма скромное положение, либо не значится вовсе. Конечно, драматург волен свободно выбирать и главных, и второстепенных героев своих пьес, но если уж сам рабочий класс вынужден напоминать товарищам драматургам о своем существовании, значит положение поистине ненормальное, тревожное.

А. М. Горький неустанно призывал советскую литературу к воплощению темы труда, настойчиво подчеркивал, что труд должен стать подлинным героем литературы социалистического реализма. Провозгласив в первой своей пьесе: «Хозяин тот, кто трудится», Алексей Максимович всем своим творчеством показывал замечательный пример высокого уважения и пристального внимания к людям труда.

Трудно предположить, что драматурги наши просто не понимают всей важности, насущной необходимости создания пьес о советском рабочем классе и его героических делах. Почему же так редки попытки сле-

датель рабочего человека главным героем пьесы? Почему же эти попытки еще реже увенчиваются успехом? «Макар Дубрава» А. Корнейчука, «Зеленая улица» и «Рассвет над Москвой» А. Сурова, «Знатная фамилия» Б. Ромашова, «Совесть» Ю. Чепурнина, «Дорога первых» А. Салынского... Много ли удач во всей нашей послевоенной драматургии можно прибавить к этому скромному перечню?

Остается предположить, как это чаще всего и делается, что причина — в недостаточно глубоком и проникновенном знании драматургами жизни, в частности, промышленного производства. Однако такое объяснение, в свою очередь, нуждается в объяснении. И надо уточнить: о каком именно знании жизни идет речь?

Неужели пьес о профессорах больше, чем пьес о рабочих, только потому, что драматурги чаще и охотнее посещают научно-исследовательские институты, чем фабрики и заводы? Неужели пьес о директорах больше, чем пьес о стахановцах, только потому, что драматурги, придя на завод, больше времени проводят в директорских кабинетах, чем в цехах?

Повидимому, дело не в этом.

Иные драматурги рассуждают, примерно так. Я понимаю, как важно вывести на сцену людей героического рабочего класса. Я полон гордости за производственные победы наших замечательных стахановцев-ско-ростильников. Я очень хорошо представляю себе, как, скажем, Генрих Бортикевич в бессонные ночи сидит над чертежами, как ча- сами простаивает он у своего станка, вникая во все его повадки, как он пробует сотни резцов, как ему помогают инженеры, как он соревнуется с товарищами. Но где же здесь драматургия? Где здесь борьба, столкновение, конфликты? Как мне изобразить

в пьесе борьбу против вибрации станка или против выкрашивания резца? Я могу написать пьесу о директоре, который имеет дело с рабочими, но как мне написать пьесу о рабочем, который имеет дело со станками?

Мы несколько утрировали ход рассуждений некоторых драматургов, но примерно они рассуждают именно так, объясняя свое невниманье к теме рабочего класса.

Подобные рассуждения являются плодом поверхностного знания жизни, непонимания важнейших закономерностей нашего общества.

Задача, которую приходится решать нашим драматургам, невероятно сложна. Они создают новую драматургию, какой не знала и не могла знать досоциалистическая литература.

Веками человечество создавало и отшлифовывало тип драмы, основывающейся на борьбе antagonистических сил, на столкновении полярных интересов, на конкуренции, на непримиримом противоречии личности и общества. Советская драматургия, отражающая принципиально новые отношения социализма и соревнования в социалистическом обществе, ищет и находит новые, небывалые в мировой драматической литературе пути.

Неудивительно, что темы, которые дают материал для изображения antagonистических конфликтов, в частности, борьба демократии против империалистической реакции, очень часто привлекают внимание драматургов. Кроме совершенно естественного для советского художника желания содействовать своим творчеством победе демократических сил и разоблачению империалистических хищников, немалую роль играет и то, что драматургия уже накопила огромный опыт воплощения antagonистических конфликтов.

Иное дело, когда драматург обращается к теме труда. Здесь — все новое, здесь нет протоптавшихся тропинок. Продолжая и развивая лучшие традиции русской классической драматургии, здесь надо искать, пробовать, дерзать. И передовые драматурги наши ищут, пробуют, дерзают. За три десятилетия, особенно за два последних, накоплен немалый опыт, есть успехи, есть принципиальные удаchi. Но опыт не изучается и не обобщается нашей критикой, но успехов еще недостаточно, но удаchi еще не так часты, как хотелось бы.

Большая вина за это ложится на нашу театральную критику. Критика не изучает и не обобщает по-настоящему драгоценных крупиц опыта. До сих пор, например, нет работы о драматургии Николая Погодина, который в годы первой пятилетки смело и плодотворно решал задачи, вновь ныне стоящие, на новом этапе, в новом качестве, перед нашими драматургами.

Не случайно сейчас так часто называются две первых пьесы Погодина — «Темп» и «Поэма о топоре», — к сожалению, только называются. Не случайно и сам Погодин, выступая недавно с докладом на Всесоюзном совещании молодых писателей, признал своей ошибкой, что отклонился от генеральной темы, которую начал разрабатывать в первых своих пьесах.

Эстетская, космополитическая критика в свое время немало сделала, как известно, чтобы создать у театральной общественности извращенное представление о первых драматургических опытах Погодина. Тем важнее восстановить истинную картину и пристально изучить опыт новаторской драматургии Погодина в воплощении героического труда советского рабочего класса. Тем важнее разобраться, что было достигнуто Погодиным в разработке этой темы, и в чем, в каком направлении должна развиваться советская драматургия опыт первых пьес о рабочем классе.

2.

Первая пьеса Николая Погодина была написана в первом году первой сталинской пятилетки. Это был тысяча девятьсот двадцать девятый год, год великого перелома.

Афиши погодинского «Темпа» расклеивались рядом с плакатами, на которых пламенили две цифры, так много говорившие уму и сердцу советского человека—518 и 1040. (Пятьсот восемнадцать крупнейших заводов и тысяча сорок машинно-тракторных станций надлежало ввести в строй за пять лет. Страна набирала небывалый темп. Самыми популярными словами в те времена были — Днепрострой, Магнитострой, Уралмашстрой, Тракторострой, Кузнецкстрой. Советский народ закладывал фундамент социализма.

Сейчас мы передлистываем «Темп», «Поэму о топоре», «Мой друг», как страницы истории. Когда эти пьесы писались и ставились, они были живым отголоском жи-